

Иерей Роман Алексеевский,
Кузбасская православная
духовная семинария,
кафедра богословия
Московской духовной академии

Философско богословская категория «добродетель» в наставлениях преподобного Порфирия Кавсокаливита

На первом этапе исследования рассмотрим основные характеристики и оценки категории «добродетель», нашедшие отражение в античной философии, так как христианство — это не единственный носитель императива данной категории, и учение о добродетелях представляет значительный пласт в этике античной философии.

Филолог-классик Вернер Йегер в своём труде «Пайдейя: Воспитание античного грека» даёт следующее определение термина «ἀρετή» общее для античной мысли: «арете — собственный предикат знатности. Греки всегда воспринимали выдающиеся заслуги и силу как само собой разумеющуюся предпосылку всякого господствующего положения. Господство и арете неразрывно связаны друг с другом. Корень слова тот же, что у ἄριστος, превосходной степени «прекрасного» и «превосходного», которая во множественном числе устойчиво употребляется для обозначения знати».

Греческое слово «ἀρετή» и равнозначное ему латинское слово «virtus» впервые встречается в «Одиссее» Гомера, и ему придаётся именно моральное содержание, прежде всего в смысле героической доблести. В произведении Гесиода «Труды и дни» термин «ἀρετή» употребляется в значении нравственной нормы и включают в себя такие добродетели, как справедливость, трудолюбие, верность и честность. Пифагор трактовал «ἀρετή» как идеальную гармонию физического здоровья и созерцательного образа жизни. Эсхил выделял основные четыре добродетели: мудрость, мужество, умеренность и справедливость. У Демокрита — долг и совесть. В эпоху софистов это понятие становится символом идеальной сформированности духа и тела. В философии Сократа добродетель понимается как категория морального знания. У Платона три добродетели, подобно трём частям души: мудрость, или разумность, — это добродетель ума; мужество — добродетель воли; умеренность, или воздержание, — добродетель чувства, представляющая собой просветление страстей, или аффектов. Их синтезом является четвёртая добродетель — справедли-

вость. Аристотель рассматривал добродетели как свойства души, он разделил их на дианоэтические (умственные, формируемые путём обучения) и этические (нравственные, практические, формируемые путём воспитания). Представители эпикурейства связывали обладание добродетелями с гарантией земного счастья. В стоицизме добродетели интерпретируются как покорность судьбе, смирение, терпение, отрешённость от чувственных страстей и погружённость во внутреннее созерцание — источник счастья. Плотин считал достижение добродетелей необходимым условием уподобления человека богу. У его ученика Порфирия все добродетели разделялись на четыре типа: общественные, очистительные, умозрительные (созерцательные) и парадигматические, содержащие образцы религиозно-нравственной жизни.

На втором этапе научного исследования представим понятие «добродетель» в Священном Писании и в святоотеческом наследии. Здесь необходимо заметить, что христианское учение о добродетелях, в отличие от философского понимания, исходит из этико-богословского понимания бытия человека и составляют исключительную привилегию человека, созданного по образу и подобию Божию.

В Священном Писании Ветхого Завета термина, который соответствовал бы греческому «ἀρετή», нет. Он передаётся еврейским словом **כֹּחַ**, означающий «хождение пред Богом», «крепость», «сила», «верность», «праведность», «умеренность», «мудрость», «справедливость», «доблесть», «постоянство», «целомудрие», «рассудительность», «мужество» (Быт. 5:24, 6:9, 17:1, 48:5; 3 Цар. 2:4, 3:6; Пс. 55:14, 114:9; 2 Пар. 32:32, 35:26; Прем. 4:1, 5:13, 8:7; 2 Мак. 6:3, 10:28, 15:12–17).

В Священном Писании Нового Завета понятие *добродетель* выражается собственно термином «ἀρετή» (2 Петр. 1:5; Флп. 4:8), «χάρις», (2 Кор. 8:7), «καλός» (1 Петр. 2:12), «δίκαιος» (Деян. 10:22) и выступает как совокупность всех нравственных достижений человека.

Рассмотрим некоторые аспекты новозаветного учения о добродетелях, которые представляют широкую интерпретацию понятия *добродетель* в христианской жизни.

Религиозно-нравственный аспект добродетели раскрывается в служении Христа (Евр. 4:15; Ин. 8:12; Ин. 11:25; Ин. 14:6), Который явил образ нравственного совершенства в его универсальной и абсолютной полноте.

Далее, тема добродетели раскрывается в Нагорной проповеди Христа (Мф. 5:3–11), целью которой был призыв Христа к достижению

Царства Небесного через воплощение в личном подвиге божественных наставлений Христа.

Тема добродетелей раскрывается также в евангельских притчах, значение которых заключается в способности восхождения ума к божественному смыслу этических добродетелей. Смысл притч указывает на конкретную добродетель: смирение (Лк. 18:9–14 — притча о мытаре и фарисее), милосердие (Лк. 10:29–37 — притча о милосердном самарянине), верность (Лк. 16:1–17 — притча о домоправителе), прощение (Лк. 15:11–32 — притча о блудном сыне), терпение (Лк. 18:1–8 — притча о неправедном судии), мудрость (Мф. 25:1–13 — притча о десяти девах) и т. д.

Особенно тема добродетелей раскрывается в посланиях ап. Павла, которые в нравственном отношении представляют собой призыв к христианам к новой жизни во Христе и открывают путь у богоуподоблению (Рим. 13:3; 2 Кор. 8:6, 9:8; Еф. 2:10; Флп. 1:6; 1 Тим. 2:10, 3:1, 5:10, 5:25, 6:18; 2 Тим. 2:10, 3:17; Тит. 1:16, 2:7, 2:14, 3:1, 3:8, 3:14; Евр. 10:24, 13:21).

В патристической письменности святые отцы о добродетели говорят, исходя из Священного Писания Нового Завета. В писаниях мужей апостольских понятие *добродетель* раскрывается в рамках библейского учения о праведной жизни. Раннехристианские апологеты в полемике с язычниками, защищая христианскую нравственность, противопоставляли их порочному образу жизни христианские добродетели. Отцы-каппадокийцы указывали на значение добродетелей, определяющих творческий процесс формирования личности. Особое выражение учение о добродетелях нашло в аскетической и монашеской литературе, где подчёркивается важность стяжания добродетелей для спасения человека.

На третьем этапе исследования определим особенности толкования научно-богословской категории *добродетель*, нашедшего своё отражение во взглядах преп. Порфирия Кавсокаливита.

В своих наставлениях он не даёт определения понятия *добродетель*. Для него добродетель — это следование за Христом и подражание Ему, Его Божественным добродетелям. Это любовь к Богу и ближним, сопряжённая с исполнением Его заповедей, это дар Божий, который укрепляется и возвращается благодатными средствами, предлагаемыми аскетическим опытом Церкви.

Исходной для всех других добродетелей является вера, которая, по мнению преп. Порфирия, «скрепляет и сохраняет связь между членами славной троицы добродетелей, любви, веры и надежды», поэтому в данном исследовании будут рассмотрены эти три важнейшие христиан-

ские добродетели как основание богозаповеданного совершенства и воплощение в нравственном поведении личности принципа самоотречения.

Евангельскую веру преп. Порфирий определял как веру во Христа как Сына Божия, в Его истинное учение. Эти слова преп. Порфирия соответствуют догматическому и литургическому опыту Церкви, содержащемуся в словах Символа Веры: «Верую... И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия...».

Действием благодати Святого Духа вера, по словам преп. Порфирия, даётся человеку как дар Божий, который необходимо сохранять и преумножать с помощью молитвы и смирения.

Живая вера, по словам преп. Порфирия, прежде всего открывает человеку весь порядок Божия домостроительства спасения человечества, в котором он ясно видит своё место и назначение. Она «направляет человека к святости, свойственному человеку по природе». Свет Христовой истины проникает в глубины человеческого самосознания, обнажая греховные поступки человека, показывая глубину его падения и ненормальность его состояния.

В своих наставлениях преп. Порфирий в духе ап. Иакова (Иак. 2:17) неоднократно возвращается к вопросу о соотношении веры и добрых дел. По его словам, вера как движущая сила или двигатель духовной жизни христианина обязательно должна проявляться во всех внешних действиях и поступках человека, то есть в добрых делах, которые поддерживаются любовью к Богу.

Наконец, вера, по преп. Порфирию, есть великая сила для человека, привлекающая Божественную благодать: творит чудеса, исцеляет от болезней, прекращает многие расстройства и разрешает многие затруднения, она распутывает человека, учит христианина сохранять благочестие в любых жизненных ситуациях.

Имея метафизическое основание во Христе, надежда как добродетель приобретает свойство сверхъестественной христианской добродетели, которая сопровождает человека на протяжении всей его жизни, до момента смерти, когда исчезает всякая надежда, поэтому преп. Порфирий с уверенностью говорил: «Христос — наша надежда» ... «Ты хватаешься за эту надежду и спасаешься!»

Как самая динамичная христианская добродетель, надежда выражается в стремлении к общению со Христом. Универсализм христианской надежды заключается в воскресении и вечной жизни и показывает относительность надежды на земное благополучие (1 Кор. 15:19).

Свою актуальную значимость надежда осуществляет под знаком эсхатологических ожиданий. В таинстве будущего века надежда уступит место любви, поэтому преп. Порфирий, преисполненный пасхальной радости, восклицал: «Человек Христов должен возлюбить Христа, и когда он возлюбит Христа, он освобождается от диавола, от ада и смерти».

Добродетель любви — это основополагающая христианская добродетель, поэтому тема любви занимала особое место в наставлениях преп. Порфирия.

Начало, конец и центр его наставлений была любовь. «Сначала любовь, а потом всё остальное», — говорил преп. Порфирий. Он был одним из страстных почитателей любви, отличавшийся любовью вселенского характера.

Всё человеческое естество преп. Порфирия Кавсокаливита было пронизано добродетелью любви. Он был, по словам его духовной дочери, «Любящее Сердце, которое вмещало всех, горело божественной любовью ко Христу, ко всему творению, к людям, птицам, растениям, животным и даже к бесам. Он жил, чтобы любить, и любил, чтобы жить».

Христианская любовь заключается в надмирной и абсолютной благодати Бога (1 Ин. 4:16), раскрывая тайну Его предвечной любви к человеку, проявляющуюся в создании, искуплении и обожении человека, поэтому преп. Порфирий говорил: «Главное имя Бога — Любовь ... Бог есть любовь, а не простой зритель нашей жизни».

Любовь, как и вера, по словам преподобного, есть «дар Духа Святого», а не результат нервно-психических усилий по возбуждению в себе любви к Богу. Эта позиция преп. Порфирия принципиально отличает его от восторженных отношений к Богу у католических святых и протестантских проповедников.

Созерцательна любовь к Богу, по словам Христа, воплощается в деятельной любви к человеку (Ин. 13:14), представляет новый порядок бытия, поэтому преп. Порфирий наставлял: «Для нас естественно любить братьев наших, потому что мы единой с ними природы, у нас одно крещение, одна вера, мы причащаемся Нетленных Тайн, уповаем наслаждаться одним Раем... Любовь к ближнему, и даже к врагу... отсутствие гнева на него, прощение оскорблений, молитва за него, добрые дела... это путь приобретения любви к Богу».

Любовь к Богу, как плод осознанного поиска истины и вершины ответов на множество вопросов, касающихся бытия, человек может приобрести через рассматривание видимого творения. «Созерцая природу, деревья, растения, птиц, пчёл, цветы, море, рыб, звёзды, луну, солнце и прочее великое множество прекраснейших Его творений, мы обращаем

свой ум к Богу и, прославляя Его через них, пытаемся осознать, сколь они чудесны и удивительны, и стараемся полюбить их. Когда у нас это получится, тогда наша любовь начнёт восходить и к нашему Творцу, и тогда мы действительно, истинно будем любить Его», — говорил преп. Порфирий. Во вселенское единство, по мнению преп. Порфирия, включаются, помимо святых и людей, ещё и бессловесные существа.

Материалы данного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Античное понимание добродетели сводится к естественной нравственной форме, реализация которой остаётся в пределах земного человеческого существования. Понятие «добродетель» сводится к границам нравственного и интеллектуального совершенствования человека. Здесь нет места для любви, в отличие от христианского понимания данной категории, через которую осуществляется способность человека к обожению.

В христианстве добродетельный человек — не тот, кто использует все свои усилия для достижения нравственного совершенства, согласно собственным представлениям, а тот, кто следует указаниям Бога, Его воле, облачается в богоподобное достоинство и восходит к святости.

В своих наставлениях преп. Порфирий Кавсокалит не даёт определения философско-богословской категории «добродетель». Для него добродетель — это следование за Христом и подражание Ему, Его Божественным добродетелям: вере, надежде и любви, посредством которых человек преодолевает своё «ветхое» естество и входит в полноту богообщения и богопознания, что и является полнотой добродетелей.

Также у преподобного отсутствует чёткая систематизация добродетелей, так как любая попытка выстроить добродетели последовательно весьма условна, и делается, как правило, для показания некоторой закономерности или для удобства описания той единой добродетели, которой является любовь к Богу, как корень и вершина, начало и венец всех добродетелей, «*совокупность совершенства*» (Кол. 3:14).

Живительная стрела любви Божией ранила его сердце и зажгла огонь медоточивой любви. Она опьянила его душу и подарила ему «божественную одержимость». У преп. Порфирия была святая любовь. Он переживал за всю тварную и нетварную природу. Его сердце имело способность напрямую беседовать с Христом, который был его Великим Учителем, от Которого преп. Порфирий научился прежде всего совершенной любви, по образу Его Жертвенной, Крестной любви.